

Вдоль пыльной дороги, под палящим солнцем, трое стариков вели неспешный разговор. Тема их беседы – история клана, и молодой воин по имени Мейджи напряженно впитывал каждое слово. Главным рассказчиком был старик Жию, его слова дополнял Шибao, а самый младший, Жихуэй, молчал, погруженный в собственные мысли. Из семи братьев и сестер, что когда-то составляли клан Абураме, в живых осталось только трое. Остальные пали во время кровопролитных междоусобных войн, жертвами безжалостных убийств со стороны других кланов Конохи: Сенджу, Учиха, Хина, Курама, Иногачо, все имели свою долю вины. Абураме, отшельнический клан, практиковавший мистические техники, всегда придерживался нейтралитета в конфликтах. Сила паразитических насекомых, проникавших в тело, делала их мастерами на все руки: убийцы, разведчики, саботажники... За деньги они брались за любую работу, не отказываясь от ни одного заказа. Во времена войн, каждый клан играл в свою игру, а суровая реальность диктовала правила: Абураме не могли никому доверять, их единственной защитой была сила. И, конечно, их мастерство в искусстве убийства. Союз Сенджу и Учиха положил начало формированию деревни, и для выживания клана Абураме, лидер Шию был вынужден преступить через свою гордость и присоединиться к ним. Решение было мудрым, но далось ему дорогой ценой: боль утраты и ненависть к убийцам своих родных. После присоединения к Конохе, Шию отказался от лидерства, передав бразды правления своему племяннику, сыну младшего брата, Шихо. Жихуэй, самый младший из оставшихся братьев, не обзавелся семьей. Его тело с детства было пронизано паразитическими насекомыми, что делало его непривлекательным для женщин клана. У Жию же остались только сын, рожденный в старости, и любимая младшая дочь. Все остальные дети погибли в той же самой войне, от рук тех же самых врагов. Юми, младшая дочь Жию, выросла в мире и спокойствии Конохи, и отец не хотел, чтобы она становилась ниндзя. Старик Жию рассказывал все это Мейджи, пытаясь объяснить причину долгого отсутствия Бо, отца его дочери. Мейджи слушала молча, не комментируя. В словах старика чувствовалась глубокая боль, и было件нятно, что отношения между отцом и дочерью были омрачены трагедией. Незаметно они подошли к поместью Абураме. Охрана клана, увидев их, поспешила навстречу, и после короткого обмена приветствиями, они вошли внутрь. Зал собраний был пуст и невелик, словно его построили совсем недавно. Никаких следов времени, никаких свидетельств былого величия. Зал предков выглядел еще печальнее. Лишь надгробия, выстроившиеся на открытом пространстве, внесли мрачную нотку в этот безжизненный пейзаж. “Вы остаетесь снаружи”, холодно произнес Жию. “Да, сэр!”, ответили стражи, исчезая в мгновение ока. Мейджи, будучи джоунином, владела этой простой техникой, но пока еще неосознанно. Ее тело не было готово к высшим техникам. Три старика направились к скрытой двери, открыли ее, и, держа в руках горящие свечи, спустились в глубокий подземный ход. Жию, формируя печати, выпустил из своего тела паразитических насекомых с ярко-красными светящимися “задницами”, что озаряли светом путь в глубоком туннеле. “Как вам мои насекомые-фонари”, с самодовольством хмыкнул Жию. “Красиво. Слово светлячки в летнюю ночь”, согласилась Мейджи. “Не взрываются, правда?” “Нет, — ответила Мейджи, — но они летают очень медленно. По сути, это стандартная атака паразитических насекомых: самоубийственная группа, которая образует большие массы и устанавливает ловушки, чтобы жертва не смогла сбежать”. Мейджи говорила прямо, не стесняясь в выражениях. “Недостаточно свирепы”, заметила Мейджи. “Для обычного человека этого достаточно, — парировал Жию, — но против огненных техник Учиха они бесполезны”. “Согласна, — сказала Мейджи, — но я говорю о том, что вы не видели калейдоскоп Учиха”. “Калейдоскоп?” Мейджи спросила, ее голос звучал нерешительно. “Пока вы его не увидите, вы не поймете всю его мощь, — сказал Шию, — Вы еще узнаете, что Учиха – это клан, который никогда не успокоится”. “Да, — кивнула Мейджи, — но что такое Калейдоскоп?” “Это оружие, перед которым ваши насекомые бессильны, — ответил Жию, — Даже против самого слабого Сусаноо ваши насекомые бесполезны”. Мейджи молча смотрела на насекомых с красными “хвостами”, переваривая услышанное. Вскоре они достигли конца туннеля. Комната была небольшая, не более ста квадратных метров. Три стены были пустые, а

на четвертой красовалась фреска, посвященная истории искусства выращивания паразитических насекомых Абураме. Там были изображены разные виды насекомых, отличавшиеся от теперешних. На противоположной стене висела коллекция свитков ниндзюцу, а последняя была увешана глиняными кувшинами. Не нужно было быть прорицателем, чтобы понять, что внутри лежит. Мутированные яйца насекомых. Мейджи, не обращая внимания на свитки ниндзюцу, приблизилась к кувшинам. "Все ваше, выбирайте, что хотите! Ха-ха-ха!", рассмеялся Жию так, что земля дрожала под ногами. Мейджи протянула руку, покрытую чакрой, и провела по кувшинам. "Они все мертвы", сказала она через некоторое время. "Это нормально, они слишком долго ждали, — ответил Жию, — никому не нужны были их навыки". "Но ты сказал, что кто-то должен выжить", ответила Мейджи, демонстрируя свой второй палец. "Только эти еще живы". Мейджи подошла к самому большому кувшину, от которого исходила сильная энергия жизни. Она подняла руку и разбила кувшин об землю. Из него выкатилась огромная личинка, размером с ребенка. "Какая громадина!", сказала Мейджи, обращаясь к Жию. "Есть какие-то записи об этой личинке?" Жию качнул головой. "Я ее помню с детства", ответил он. "Ну, я начинаю", сказала Мейджи, протягивая руку к личинке. Трое стариков напряженно следили за ней, но не улавливали ничего необычного. Ее действия были стандартны для вылупления личинок. Благодаря чакре Мейджи, инфекция проходила скрытно, но очень быстро. Эта личинка обладала собственным сознанием. Она ясным и твердым голосом говорила о своем желании жить. И, увидев спасительную руку Мейджи, она схватилась за нее без всяких сомнений. Весь процесс инфекции проходил быстро и гладко. Очевидно, скорость инфекции зависела от духовной воли цели. Инфекция проходила практически так же быстро, как вылупление, если не быстрее. Когда инфекция закончилась, личинка полностью вылупилась. Через некоторое время личинка стала подвижной, в стенках ее тела появились небольшие выпуклости. Затем личинка стала трескаться, из трещин вытекала жидкость. В определенный момент Мейджи отпустила ее и отступила. Яйцо расколосось, и две маленькие ручки вылезли наружу, пытались вытащить тело из скорлупы. Четверо взглянули на голенькую девочку с прозрачным экзоскелетом, еще мягким и тонким, сквозь который видно было нежную бледную кожу. Экзоскелет быстро затвердел и изменил цвет. На полу осталась девочка с чертами человека и насекомого. "Встань!", приказала Мейджи, не говоря ни слова. Ей было легко улавливать мысли девочки. Она делала это для того, чтобы старикам было легче понять ситуацию. Под командой Мейджи девочка с усилиями встала. Три пары фасеточных глаз на ее лице посмотрели на каждого из присутствующих, а затем уставились на Мейджи. Ее рот раскрылся, как у гусеницы. "Мама, мама, мама...", прошептала она. "А! Мы давно не виделись, — сказал Жию, хлестнув себя по бедру. Что же с этой девочкой?" "Не называй меня мамой", жестко сказала Мейджи. "Да, мама!", послушно ответила девочка. Кажется, ее мозг еще не в порядке. Мейджи скрючилась от головной боли, уже ощущая нехорошее предчувствие. Три старика окружили девочку, смотрели на нее с большим интересом.